

Круглый стол «ВОСТОКОЗАПАД» / Round Table Discussion on EASTWEST

Рассматриваются многообразные аспекты взаимоотношений Востока и Запада. Обсуждаются проблемы увеличения туристического потока из Китая, характер и особенности китайских туристов. Формулируются перспективы развития туризма на Байкале. Затрагиваются вопросы, связанные с развитием туризма в Бурятии. Характеризуются особенности этнотуризма и возможностей его развития.

Ключевые слова: туризм; территориальное планирование; Восток; Запад; Китай; национальная культура; Иркутск; Байкал; национальное разнообразие; этнотуризм. /

The discussion is focused on various aspects of interrelations between East and West. Its participants discuss the problems of the increasing tourist flows from China and the specific characteristics of Chinese tourists. The future development of tourism in the Baikal region is formulated, and the peculiarities of ethno tourism and its prospects are discussed.

Keywords: tourism; land-use planning; East; West; China; national culture; Irkutsk; Baikal; national diversity; ethno tourism.

21 ноября в Доме архитектора состоялось обсуждение темы номера «ВостокоЗапад».

В обсуждении принимали участие: начальник Управления культуры администрации г. Иркутска Виталий Барышников; доктор социологических наук, начальник научно-исследовательской части ИГУ Константин Григоричев; архитектор, главный редактор журнала «Проект Байкал» Елена Григорьева; доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории международных отношений ИГУ Виктор Дятлов; эксперт общественной палаты Иркутской области Олег Данилин; кандидат технических наук, докторант психологии Константин Лидин; доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНТУ Андрей Ляпин; кандидат философских наук, культуролог Марина Ткачева.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Принимая Олимпиаду, Универсиаду, Чемпионат мира, города готовятся к нашествию спортсменов, официальных делегаций, фанатов. Готовятся власти: они благоустраивают город, строят новые объекты. Готовится бизнес, собираясь извлечь свою выгоду. Готовятся волонтеры, которые смогут объяснить людям навигацию, маршруты, наиболее вероятные точки притяжения. В прогнозе, который прозвучал на прошлом кругом столе, говорилось о том, что число туристов из Китая в Иркутске может достичь миллиона в год.

Важно предвидеть спрос: чего хотят китайские туристы? Что можно им предложить, чтобы бюджет и бизнес получили прибыль? Особую тревогу вызывает Байкал. Как геометрическая прогрессия числа туристов повлияет на озеро? Байкал – это эксклюзив, такая точка зрения существует. Сегодня там нет инфраструктуры, которая может принять прогнозируемую нагрузку.

Собственно, прогноз «на миллион» и спровоцировал тему этого номера, которую мы не преминули расширить, назвав «Востокозапад». Теперь тема номера включает и то, как западная архитектура расцветает в Китае (а заодно и в Корее) с помощью всемирно известных архитекторов. Японские архитекторы, наоборот, блистают по всему миру, и то, что на недавнем конгрессе МСА в Сеуле японец Тойо Ито получил высшую награду – золотую медаль – еще одно тому доказательство. Тема сегодняшней дискуссии широкая, и мы надеемся услышать мнение присутствующих здесь специалистов по современному туризму, экспертов по чайна-таунам и ученых, которые специализируются на истории иркутско-китайских связях.

КОНСТАНТИН ЛИДИН Я бы хотел еще решительнее расширить эту тему, потому что в общечеловеческом историческом смысле сложилась достаточно уникальная ситуация. История Китая парадоксальна: в течение нескольких тысячелетий Китай однозначно опережал западный мир и в технологическом, и социальном развитии. И вдруг в период Ренессанса в Европе он «уснул». В эпоху Просвещения западная цивилизация начала расти по экспоненте как технологически, так и социально. Китай отстал категорически. Но сейчас возникает ощущение, что Китай начал ускоряться, а запад затормозил.

Мы привыкли к тому, что с Запада на Восток идет цивилизаторская миссия: японцам их процветание построили американцы, корейцам они также в значительной степени помогли. Но третий большой дракон обошелся уже без американцев. Тайвань и Гонконг еще можно рассматривать как кусочки Запада на Востоке. Но Китай – это уже совсем не западная страна, и пропасть весьма велика. Там, на взгляд европейца, многое вывернуто наизнанку: мы живем ради детей, а у китайцев, согласно принципу

«сяо», дети живут ради родителей. Это глубоко заложено в конфуцианстве и в последнее время педалируется. Творчество, которым мы привыкли гордиться и считать чуть ли не проявлением божественной искры в человеке, для китайцев имеет совершенно другое значение. Они вообще не понимают, зачем придумывать новое, если можно комбинировать старое, в том числе и в архитектуре. Тысячелетняя вера в реинкарнацию сформировала совершенно другое, чем в христианстве, отношение к смерти.

Мы присутствуем при моменте, когда они уже перестают воспринимать нас, западных людей, как учителей. Скорее наоборот, разговор пойдет о том, что мы должны у них учиться, потому что сравнивать экономические успехи уже даже и не смешно. Насколько над нашими умами довлеют стереотипы прошлого века, когда мы совершенно всерьез собирались учить китайцев жить? Мы себя рассматривали как носителей цивилизации. А не получится ли наоборот? В лучшем случае желательно, чтобы соблюдался паритет, но какие формы он может принять? Вот такие вопросы хотелось бы сегодня обговорить.

КОНСТАНТИН ГРИГОРИЧЕВ Мне кажется, рубеж противостояния гораздо ближе: меньше десяти лет назад мы воспринимали китайцев совершенно иначе – как торговцев на рынке или строительных рабочих. Это социальные низы – люди без статуса, вне общества, живущие за закрытыми воротами рынка, теплиц, строек. Сейчас это люди высокого статуса, потребители, которые устремляются за лакшери. Появление китайских туристов в совершенно ином качестве и ином статусе порождает наш конфликт не с ними; это во многом наш внутренний конфликт.

И если говорить о проблеме восприятия, я бы предложил не пытаться его связать с историей столетней давности и глубже, а говорить о конфликте более близком – не нашем с туристами, а конфликте в принимающем обществе, у нас в головах.

ВИКТОР ДЯТЛОВ Для меня Восток–Запад – абсолютно не работающая оппозиция. Это метафора, которая позволяет что-то узнать о тех, кто ее выдумал. Представление о Востоке возникло в том обществе, которое стало назы-

вать себя Западом. Это метафора и, как всякая метафора, она опасна, хотя и соблазнительна. Она подменяет сущность и может увести неизвестно куда. Поэтому уходить в многовековую дискуссию о России – Евразия она или, как злой Милоуков сказал, Азиопа – бессмысленно. Надо рассматривать нынешнюю ситуацию в ее конкретике. Мне кажется, что цивилизационные представления перенасыщены абсолютно разными смыслами и поэтому являются совершенно не работающими; это вещь ситуативная. В современном мире подавляющая масса людей считает себя этнофорами: если спросить человека о его этничности, каждый ответит почти без затруднений. Хотя есть исключения: у нас в Иркутской области есть голландцы, которые категорически не хотят расценивать себя в этнических категориях. Я считаю себя русским, но не просыпаюсь же я каждое утро с мыслью, что «я – русский, какой восторг!». Этническое самосознание может возникнуть очень ситуативно: на встрече, на границе. В Иркутске советскую топонимику можно трактовать как очень этнизированную: здесь и польские повстанцы, и красные мадьяры, и Каландаришвили, и Джамбул. Но ведь был период, когда эта ситуация воспринималось не как этническая, а как революционная: какая разница, грузин Каландаришвили или нет? И вдруг события начинают приобретать этническую окраску, и люди начинают рассматривать те же самые вещи в этнических категориях. Поэтому мне кажется, что не стоит спорить на тему «Запад–Восток», а можно взять конкретную ситуацию с туристами. И через этот кейс посмотреть, как наш город этнизируется. Как он вдруг начинает рассматривать мигрантов как китайцев, а китайцев как мигрантов, а потом китайцев как туристов и т. д. Какие-то очень плавающие сочетания: иностранец, мигрант, гастарбайтер, торгош на рынке, богатый турист, который лакшери покупает... Я бы рассматривал конкретный контекст, а не какие-то глобальные «Запады–Востоки».

ОЛЕГ ДАНИЛИН – это сфера моей компетенции. Если сравнить квартиру американца в 60-м году и сейчас, то новыми у них являются только две вещи – это компьютер и плазменный телевизор; вся остальная техника была. Для того, чтобы занять людей, американцы были вынуждены развивать сферу услуг. Китайцы буквально

пять лет назад пришли к этому состоянию. Они купили много больших самолетов и начали работать для того, чтобы возить туристов не только внутри страны, но и за ее пределы.

Иркутск в последние три-четыре года испытывает рост потока туристов из Китая. Потoki, конечно, не такие большие, отнюдь не миллион. Самая большая цифра в советский период (1989 год) – 44 тыс. человек. 40 тысяч из стран СЭВ и 4 тысячи из капиталистических – Германии, Японии... Если корректнее относиться к статистике, которую привело наше правительство, сейчас в Иркутске получают примерно те же 44 тысячи, но туристы фиксируются в 2–3 гостиницах, поэтому статистика преувеличена. Только сегодня 40 тысяч из соцстран заменились гостями из Поднебесной.

Мы сегодня переживаем результаты перестройки: на рубеже 2000-х мы отдали управление российским туристическим рынком бизнесу из Турции. Но в 2015 году турки сбили наш самолет, и управление на российском национальном рынке для них было закрыто. Внешнее управление российским рынком плавно переходит к турбизнесу из Китая, который за это время купил контрольные пакеты у ведущих туроператоров мира, таких, как Томас Кук, который владеет, в свою очередь, нашим «Интуристом». Получается, Томас Кук сейчас формирует политику на нашем национальном рынке. Если раньше законы принимались в угоду развития туризма Турции, сейчас будут приниматься в интересах Китая.

У китайской общины, которая оперирует на иркутском туристическом рынке, имеются свободные деньги, которые нет смысла везти в Китай после дефолта 1998 года. Тогда они на эти свободные деньги, которые зарабатывались на нашем розничном рынке, покупали лес-кругляк и отправляли в Китай. Сейчас появляется третья сила, «теневая структура»: деньги, заработанные на нашей «Шанхайке», аккумулируются и направляются уже не на покупку леса. Они направляются на развитие гостиничной инфраструктуры.

Сейчас наши туроператоры взаимодействуют с ведущими туроператорами Китая. Это стало возможно благодаря устойчивым связям, возникшим в течении 27 лет сотрудничества, с момента первого выезда нашей группы в Китай в 1990-м году.

Буквально вчера я встречал директора гостиницы из Листвянки. Уже 25 земельных участков куплено китайцами, и на них начинается строительство гостиниц для приема и обслуживания китайских туристов. Таким образом, китайцы начинают действовать на нашем региональном рынке. Китайские операторы формируют политику на нашем рынке – это бизнес. Мы еще можем контролировать их работу через гидов-переводчиков, чтобы хотя бы следить за информацией, которую они сообщают.

В прошлом году один день работы с тургруппой для хорошего переводчика стоил 100 евро, то есть семь тысяч рублей. Если человек работает в месяц 20 дней, то получается хорошая заработная плата. По этой причине все захотели работать в сфере туризма. Сейчас китайские турлидеры в целях оптимизации цены турпакета говорят: «Вы гидам не платите, а мы через комиссионную систему будем с ними рассчитываться, возвращая кэш от суммы покупок». Формирование политики в турбизнесе очень сложно. И второй фактор: оперативное внедрение контроля электронных платежей, возможно спасет ситуацию. Практически получается, что китайцы денег в нашей российской экономике не оставляют. Основные траты у них – это сувениры (определенные магазины, куда их вводят, где ценник повышен).

Государственное регулирования сложившейся ситуации – наше слабое место. Китайцам проще всего поделить часть прибыли с контролируемыми органами и тем самым урегулировать вопрос. Если будет наш проект и китайцы будут заходить к нам на рынок на наших условиях, предусматривающих доли, пай, тогда этим процессом можно будет управлять.

Сейчас китайцы создают «свой проект», а нашего проекта до сих пор нет. Туризм в настоящее время развивается стихийно: в реальности китайцы оперируют на нашем рынке, как хотят. Они уже и строят все сами, и мебель свою в гостиницы завозят. Через три-пять лет, работая больше нас, они будут иметь больше доход – будут бенефициарами. На сегодня основные точки притяжения – Листвянка и Ольхон; все едут туда постоянно. Скоро начнется конфликт интересов, который будет выражен в использовании «оружия пролетариата» – огня. Будут гореть какие-то постройки; сейчас идет, так сказать,

холодная война, которая потом может перейти в горячую фазу.

Свой проект нам нужно еще придумать, создать и интегрировать, только тогда мы получим реальные рычаги воздействия на китайский турпоток. В Китае есть государственная политика и политика бизнесменов – два вектора, которые планируют свою деятельность в Байкальском регионе. Государственные туроператоры говорят, что хотят работать честно, но параллельно работает схема, которую можно назвать полуправильной. С нашими инструментами и постулатами «либерального» рынка мы получаем весьма невыгодные и даже опасные для нас результаты.

Посмотрим на ситуацию со стороны Китая. Там наших туроператоров нет. Если мы свой проект не создадим, то мы будем играть по их правилам, как я уже говорил. У нас 12 турфирм, которые реально работают с китайским потоком. Еще три–пять лет – и весь туроперейтинг перейдет в интернет, и любая покупка будет совершаться без участия туроператора. Останутся только те туроператоры, которые имеют очень хороших партнеров и потоки. Китайцы вложились в подвижной состав, в самолеты. Если наш «Super Jet–100» летает в день полтора часа, то китайский самолет летает по 9–16 часов в день. Отсюда и экономика...

Поток сегментирован по доходам. А культурные ценности, например, у северо-восточных китайцев очень сходны с бурятскими.

Я предполагаю, что в течение 3–5 лет китайцы построят пятизвездочный отель-лакшери под себя. Наше правительство на последнем Байкальском форуме предложило вложиться в Байкальск. Но китайцы хотят взять чистый, пустой участок. Им предлагают взять территорию в Байкальске, но в Байкальске они работать не будут. И если мы не создадим свой проект, то можем нечаянно занять курорт, ориентированный на прием и обслуживание китайских туристов. Сейчас они еще используют нашу инфраструктуру, но уже предъявляют претензии по качеству автобусов и т. д. Если европейские туристы хотят посмотреть нашу историю, то Восток хочет получить качественную услугу, «как у них». Мы, конечно, это предоставить не всегда можем. Мы работаем на впечат-

лениях, вот впечатлений мы можем организовать сколько угодно. Но их одних уже недостаточно.

КГ Мне кажется, что имеет место некоторое упрощение. Во-первых, китайцы, как и все люди, на самом деле разные. Второе – мне кажется, что увлечение китайцами туризмом не заимствовано у Запада. Это реальное отражение тех социально-экономических и глобальных процессов, которые имеют место в Китае. Там появляется средний класс, и он довольно быстро растет. Средний класс неоднородный и очень разный по слоям: есть средний средний класс, есть нижний, верхний и т. д. Общеизвестно, что одним из атрибутов, символов социального статуса для среднего класса являются путешествия. Китай, где символика и атрибутика статуса очень важны, – не исключение. Соответственно, туристическое движение в Китае имеет очень глубокие и мощные корни и основания. Это не заимствование, это то, что является признаком, атрибутом определенного этапа роста. Китайский туризм – он тоже очень разный. По результатам нашего исследования получается, что туристический рынок очень сегментируется и расслаивается. Китайский турист, который хочет качества, чаще всего оказывается у российских операторов. Та часть китайских туристов, которая обслуживается в нелегальном секторе и обслуживается неформальными гидами – это тот нижний-нижний сегмент среднего класса, который только еще начал путешествовать и не может себе позволить услуги нормального уровня. Они оказываются довольны теми смешными бытовыми условиями, не совсем цивилизованными гостиницами, очень серым и размытым статусом, потому что их устраивает цена. И это примета не только Иркутска. Кроме того, есть сегмент туристов-«лакшери», которые зачастую не попадают ни к одному из официальных или неформальных операторов. Они приезжают по частным приглашениям. И есть случаи, когда наши же студенты с китайским языком или, чаще, китайские студенты, обучающиеся у нас, их обслуживают. Как иллюстрация – фотография студента из частного бизнес-джетта, который сопровождает китайскую семью, путешествующую по России. Мне кажется, что при всей глобальности вашего взгляда все-таки имеет место чуть-

чуть плоский взгляд на эту проблему; она более объемна, чем мы представляли. И от этого зависят и модели, и тактики поведения, в том числе и иркутского туристического сектора, местных властей, региональных и федеральных, но я не готов говорить о высокой политике. На местном уровне видно, что здесь не может быть единой линии поведения, а сама природа этого потока требует разных решений на разном уровне. Я бы обратил внимание, что представление о китайцах, захватывающих Байкал, скупающих побережье Байкала, как-то незаметно заместило у нас представление о некоем абстрактном «москвиче», который раньше скупал ровно те же объекты.

ВД Да, раньше Ольхон скупали москвичи – теперь китайцы.

ОД Когда я взял публичную кадастровую карту, то увидел, что там только 20% официальных владельцев, 80% землевладельцев – в тени. Мы не предложили проект благоустройства уникальных берегов Байкала; фактически архитектору дали задачу «построить дачки и поставить тачки» – так задача и решена. Сейчас на этой карте находится 150 субъектов сферы турбизнеса, из них 2% китайцы скупают без проблем.

АНДРЕЙ ЛЯПИН: Действительно, в обществе есть какая-то напряженность от того, что люди слышат чужую речь от большого количества черноглазых и черно-волосых гостей. Люди еще не понимают, что пугаются они самих себя, а китайцы просто живут. Мы недавно участвовали в российско-китайском форуме, и наши магистранты проводили исследование о методике градостроительного развития в Китае. Работая с генеральными планами, китайцы уже всю используют методики, которые еще не везде в Америке используются: «Community Basic Planning» они применяют всю. Меня, конечно же, волнует большая разница между авангардом молодого поколения в Китае и теми, кого готовим мы. В Китае традиция туризма опирается на длительную культурную основу. Китайские поэты Ду Фу, Ли Бо, Ван Вэй, чтобы собрать впечатления, начинали путешествовать в молодом возрасте. То же самое мы видим в китайских туристических группах. Если Европа в тургруппах поставляет людей третьего возраста, то в китайских подростки являются нормой. Мы сегодня не знаем Китая, но мы и себя не знаем. Отставание в сфере общественности нам не позволяет спокойно принимать решения и делать дело в едином общем мире. А то, что мир станет общим – это точно. Но ни высшая школа, ни Иркутск не стараются обеспечить молодому поколению узнавание китайской культуры. На прошедшем российско-китайском форуме мы вышли с инициативой: ориентировать иркутскую архитектурную школу не только в сторону Европы, как сейчас, но и на своих ближайших соседей. Городу и области были предложены два первых шага, нацеленных на сотрудничество и узнавание китайцев. Первый касается храма – памятника русским воинам, находящегося в Шэньяне на месте русского кладбища. Совместно с нашей архитектурной школой и архитектурной школой Шэньяна надо провести конкурс на реконструкцию близлежащей зоны и сохранения этого памятника. Вторая инициатива касается студенческих конкурсов: провести конкурсы по ландшафту и озеленению. Недавно в Иркутске открыли корейский сад. И почему бы нам вслед за Сан-Франциско, Сент-Луисом, Лондоном, Парижем не создать китайский сад у нас?

КЛ Я согласен, что мы действительно катастрофически не знаем ничего о китайцах. Я наблюдал за китайскими туристами в Камбодже и во Вьетнаме. И там, и там полно китайских туристов, но они ведут себя совершенно по-разному, хотя представляют один – нижний – уровень демонстративного потребления. В Камбодже это ужасно

назойливые, шумные толпы безобразно себя ведущих людей. Во Вьетнаме их не видно и не слышно. Конфуцианский принцип «ли» гласит, что если есть ритуал, то нужно его придерживаться. Если им не дали ритуал, то они придерживаются своих. Если мы не объяснили им, как себя вести, то они будут вести себя так, как они считают правильным. Проложите дорожки на Ольхоне и запретите ходить везде, кроме дорожек – и они будут ходить по дорожкам. Они не будут ходить в сторону и рвать эндемики из Красной книги.

МАРИНА ТКАЧЕВА А местное население на квадроциклах гоняет по всей местности...

КЛ Да, мы демонстрируем свои ритуалы в такой форме, что, действительно, это чудовищно. Мы им показываем отвратительный пример. Нечего ждать, что они привезут сюда свои способы демонстративного потребления – нет, не привезут. Им гораздо интересней наши способы попробовать – это гораздо более содержательное приключение для китайского туриста. А мы им предлагаем варварство. Может, молодежь надо учить именно этому?

ЕГ В нулевые за этим же столом мы говорили о том, что немцы-туристы на Байкале ведут себя не так, как в Германии. По той же причине.

Что касается архитекторов: 12 лет назад тогдашний президент Международного Союза архитекторов Гаэтан Сью собрал статистику по студентам, обучающимся архитектуре во всем мире. Большинство студентов оказались китайцами. Я думаю, что теперь все эти студенты получили образование и большинство дипломированных архитекторов, возможно, китайцы.

КЛ Есть великолепная фраза из доклада специальной комиссии, которая обследовала состояние систем образования США: «Не надо забывать, что, учитывая численность китайцев, у них одаренных детей больше, чем у нас вообще детей». То есть, одаренных архитекторов у них больше, чем архитекторов вообще по всему миру.

ЕГ И уже появляются свои стархитекторы: Ван Шу в 2012 году получил Притцкеровскую премию.

Вопрос к Олегу Данилину. 130-й квартал сравнивают по количеству рабочих мест (больше 2-х тысяч) и по объему налогов, которые платятся в бюджеты разных уровней (больше миллиарда рублей) с градообразующим предприятием – заводом в центре города, но экологию он не портит, а производит эмоции и влияет на имидж города. Туризм не зря называют индустрией. Можно ли оценить упущенную выгоду от отсутствия развитой индустрии туризма? Сколько теряет Иркутск и Иркутская область в связи с отсутствием политики в отношении побережья Байкала?

ОД Иркутская область за последние 10 лет каждый год вывозит за счет туристов по 10 млрд. рублей. Иркутяне посещают другую сторону Байкала. В Бурятии каждый год строится по 30 новых объектов размещения. Ресурсы развития, которые были и есть в кармане у иркутян, мы вывозим. Иркутяне любят премьеры, а у нас премьер не было давно. У нас 300 машин на 1000 жителей, они садятся в машину и едут что-то потреблять. Если посмотреть по потоку, то это – молодежь с машиной, которые здесь берут только бутылку шнапса – и ничего больше не тратят. Если сравнивать наш и бурятский рынки, то раньше иркутский был в 3 раза больше, а сейчас они сравнялись. Иркутяне едут туда, потому что машины есть, асфальт хороший и их там ждут, а также есть что посмотреть и чем заняться.

Они ездят в Таиланд, Турцию и т. д., то есть знают, что такое качественный туристский продукт, и два раза наступать на грабли необустроенности и бездорожья попадать не хотят. А мы для них ничего не построили ни

в Листвянке, ни на Ольхоне. Особенно на Ольхоне – там за 20 лет создано только 20 баз. А если посмотреть на кадастровую карту, то мы можем построить 220. Мы сами не управляем процессом и создаем критическую конфликтную ситуацию. Сейчас государство не дает деньги на развитие Байкальской природной территории, а дает деньги только на насилие. На сегодняшний день, при бюджете Ольхонского района в 120 млн. рублей, штрафных санкций предпринимателям выписано на 160 млн. Туристический бизнес 20 лет развивался динамично, а базовая инфраструктура остановилась на аграрной фазе.

АЛ В Куркуте мы работали по программе планирования туризма, экологически ориентированного землепользования. Мы планировали туризм по максимально высокому уровню: и устойчивое развитие, и комфорт. Тогда все муниципальные, районные, областные администрации все это выбросили. И начался самострой, и ничего красивого там не появилось. Теперь расплачиваемся за то, что не послушались тогда планировщиков.

ОД Когда это происходило, Институту географии было логичнее заниматься ландшафтным планированием. А немецкая фирма привезла 20 лет назад технологию градостроительства «пространственного планирования». Директор Института географии свел все в корпоративное ландшафтное планирование, а градостроительства там не оказалось. В итоге получилось, что и ландшафт сохранить мы не можем.

Государству сегодня легче все снести, чтобы потом пришел Томас Кук с китайцами и построил нормальные отели. Сегодня российские архитекторы в сфере туризма переносят с Запада наиболее активные образы и пытаются их интегрировать. Но Иркутск самодостаточен: если мы сформулируем свою концепцию для Байкальского региона, тогда можно конструктивно говорить о чем-то. Все знание есть, все понимание есть, но не хватает комплексного подхода к развитию туристских территорий.

ЕГ Удивительно слышать то, что сейчас прозвучало. В сентябре 2013 года (закрытие БЦБК) вышел в свет двоянный номер нашего журнала с главной темой «Байкал–Байкальск», в котором была собрана градодocumentация по берегам Байкала, в том числе проекты особых экономических зон: Большое Голоустное, Байкальск и Листвянка. Полное впечатление, что иркутские берега Байкала охвачены градодocumentацией. Почему документация существует отдельно, а реальность – отдельно?

АЛ Эти проекты выполнены в основном в Иркутске, выпускниками иркутской архитектурной школы. Они не хуже, чем любой результат градостроительного планирования в другом месте России. К сожалению, документация, которая производится нами в этих условиях, не всегда стыкуется с жизнью. Градостроительная документация для населенного пункта любого уровня финансируется вышестоящими органами, а задание на проектирование зачастую пишут сами проектировщики.

КЛ Коллеги, а может быть, эти планы правильнее было бы перевести на китайский язык и передать в китайскую контору Т. Кука? И пусть они инвестируют в эти проекты, зачем им еще раз заказывать то, что уже сделано?

ОД Нет, то, что происходит – это проекты по захвату территорий для перепродажи, а то, что на этой территории целесообразно строить, у нас отсутствует. У нас обсуждались проекты трех экономических зон: Листвянка, Большое Голоустное и Байкальск – и за 10 лет ничего не сделано. Сегодня на проект особой экономической зоны потрачено 250 млн. рублей. Результата не видно.

ВД Мне кажется, мы смотрим на китайца исходя из образов «Тихих заводей» и «Сна в красном тереме». Но нынешние китайцы – это люди или потомки людей, которые

пережили культурную революцию, это постсоциалистические люди со всеми вытекающими отсюда перерывами в культурном развитии. Нельзя рассматривать китайца просто как китайца, ведь и русский сейчас и русский в XVIII веке – это совершенно разные сущности. Поэтому призываю к очень конкретному подходу: не китаец абстрактный, не китайский турист абстрактный, а именно те конкретные люди с их конкретными потребностями, с их конкретными желаниями и конкретными деньгами, иногда немалыми. Крупнейший специалист-востоковед, эконометрист Леонид Абрамович Фридман, опираясь на международную статистику, подсчитал, что средний класс китайцев составляет 250 – 300 млн. человек. Судя по динамике развития постсоциалистического общества, практически чуть ли не первая потребность после того, как решены проблемы с едой, кровом над головой – обеспечением минимальных жизненных потребностей – это туризм. А поскольку Китай – страна открытая, то это чудовищный, гигантский выброс по миру. И это экономическая проблема, которую надо решать, подходя к китайскому туристу не как к туристу вообще. Китайский турист – это постсоциалистический человек, который в принципе пока не умеет отдыхать. В Китае нет культуры

^ Улица Люличан.
Велосипедисты.
Фото Сергея Астапова

отдыха. А когда бы она могла у них появиться? Я как-то наблюдал китайцев на пляже в Даляне; видно, что они не понимают, что там делать.

КЛ Им этого не объяснили.

ВД Китайские туристы – не профессиональные туристы. Может, не случайно они предпочитают туристические группы со своими сопровождающими – им, возможно, комфортно именно так. Надо посмотреть, почему так происходит? А возможно, кого-то из этих туристов уже напрягает система жесткой организации туристической фирмы, когда его возят в определенные места с определенной информацией? Может, им хочется за пределами маршрута посмотреть? Второе – это турбизнес. Проблема утечки капиталов в другую страну с другой валютой реальна. Но существует ли реальная утечка капиталов? Может быть, туристические ресурсы реализуются в других сферах? Если гостиница не платит налогов, территориально находясь на нашей земле, либо платит мало – это не проблема китайцев, это проблема российского законодательства. Если китайские гостиницы на Ольхоне оказывают излишнее давление на природу (ведь там находится национальный парк), если гостиница строится без очистных сооружений, то это не проблема китайцев. Это проблема массовой коррумпированности нашего государственного аппарата. Китайцы – это, скорее, очередной вызов и тест на ситуацию нашего общества, нашей власти и нашей способности решать задачи, как мне кажется. Тест-то мы не выдерживаем, и все выливается в обычный гундеж: «Вот, китайцы понаехали». Раньше они «понаезжали», чтобы нас завоевать, потом – чтобы у нас все скупить, потом чтобы переселиться и пережениться на наших русских женщинах, чтобы все нас окитаить. Сейчас они приехали, чтобы захватить наши туристические ресурсы и наш Байкал. Не увезут они Байкал в Китай, не увезут они и эти гостиницы.

ЕГ Мне кажется интересной фраза, что они не умеют отдыхать. Здесь есть над чем поразмыслить, потому что им нужен интерактивный отдых. Иркутск должен получить свою выгоду и устроить им такой туризм, который не вызовет вопросов: «А что на этом месте делать?». Надо придумать им шоу, а может, даже какой-то общественно-полезный труд, в котором интересно участвовать. Я все время вспоминаю Тома Сойера, который красил забор. Но в этом направлении надо подумать: ведь то, что они стремятся все время что-то делать – это специфика и отличие от других туристов.

АЛ Градостроительная документация как раз ставит задачи планировать будущее, в том числе по проекту туризма на Байкале, по приему китайских туристов в Иркутске. Территория и деятельность должны соединяться в планировании будущего. У нас твердый недостаток не только граддокументации, но и всего российского планирования – ее низкая социальная продуманность и недостаточность социальной информации. Какой кирпичик вкладывать в китайцев и с китайцами, без социологов не решить.

ЕГ Отсутствие социологов при проектировании – недостаток граддокументации. Тем не менее, она имеет статус закона, ею должны руководствоваться в своих интересах турбизнес, местные органы и т. д.

ОД Проблема в том, что туристического раздела в ней нет. По туризму в Ольхонском районе был утвержден раздел 10 лет назад. И было написано, что для более конкретной разработки раздела необходимы дополнительные исследования.

КГ Одна из знаменитых книг Джеймса Скотта так и называется: «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой

жизни». В данном случае мы имеем классическую иллюстрацию: да, есть документация, которая имеет статус закона, направлена на улучшение ситуации, но она не работает. И мы уходим в сторону неформальной экономики, в нашу повседневность, где мы на самом деле живем и работаем. Это способы противостоять той стратегии, которую нам навязывают. Сколько бы мы ни планировали замечательных улучшений по берегу Байкала, если они никак не учитывают реалий повседневности, они обречены на провал. Кроме того, представляется, что мы по-прежнему экстраполируем на современную ситуацию исторические и сложившиеся вне времени стереотипы, по которым мы себе представляем китайцев. Ровно так же китайцы представляют нас. В результате мы получаем ситуацию, когда...

ВД ...стереотип сталкивается со стереотипом...

КГ ...друг напротив друга стоят два зеркала, и мы смотрим на бесконечное отражение, в котором наше представление о китайцах определяет их представление о нас, и это снова определяет наше представление о Китае. Это умножение сущности очень часто воплощается в вещественные пространства. Например, в Манчжурии на окраине создан парк, где собрано все лучшее сразу – как китайцы видят Россию. Понятно, что мы едем туда посмотреть, как китайцы видят Россию и посмеяться над ними. И китайцы приезжают в Россию, чтобы посмотреть, как мы видим Китай и относимся к ним. Задача увидеть китайца заключается не только в том, что это уже не торговец с рынка, но и в том, чтобы уйти от собственных стереотипов представления о Китае, хотя бы потому, что Китай и китайцы неоднородны. Китайцы из северного Китая – это одно, с южного – другое, разные слои – третье, и пока мы от этого не уйдем, мы опять будем играть с собственными представлениями о Китае, а не с реалиями.

КЛ Моя знакомая принимает туристов в частном порядке, на личных контактах. В последнее время стали активно приезжать китайцы, и арендодатели столкнулись с неожиданной проблемой: китайские туристы выходят утром из домика и, извините, какают на газон. Дело в том, что эти приезжие – вчерашние крестьяне; они переехали в город всего пару лет назад. Урбанизация в Китае идет совершенно чудовищными темпами: там уже 50% населения живет в городах. Ничего подобного не было в истории человечества – 10 млн. человек в год! В Китае сотни миллионов людей, которые принесли с собой уклад деревенской жизни. Там жидкие отходы – ценность: ведро фекалий стоит на селе 10 юаней. Понятно, что лесовые равнины давно бы истощились, если бы не был налажен круговорот органических удобрений. В этом регионе существует целый танкерный флот, который возит фекальные воды из одной страны в другую – это предмет крупнотоннажной торговли. Мне кажется, мы не только не знаем китайцев, мы даже не представляем, насколько глубоко пропасть между нами.

МТ Но скорость социальной жизни увеличивает – здесь должно все пойти энергичнее, но, правда, и прагматичнее.

ВД В Китае очень бурно развивается этнический туризм. Создается русская волость: там живут потомки окитаенных русских. Это Трехречье – совершенно замечательно, когда приезжаешь в деревню, где когда-то русские жили, потом окитаились, особенно во время культурной революции, когда по-русски совсем запрещали говорить. Они себя называют метисами. Там и пекарни, в которых делают какие-то шаньги, которые я только в детстве в деревне ел и забыл, что такое бывает. Эти люди «работают русскими» и создают туристический продукт. Тут разговор про Бурятию шел, почему туда отток туристов из Иркутской области. Когда приезжаешь в Улан-

Удэ, там куда большая концентрация средств общепита самых разных уровней, на самые разные деньги и самых разных специализаций. В Иркутске очень трудно найти место, где можно пообедать. Мало грузинских, армянских, монгольских рестораников. Либо это высокий класс за большие деньги, либо забегаловка. В Улан-Удэ их полно, хотя в городе несопоставимо меньше денег крутится. Но индустрия по продаже этого продукта – услуг, в том числе и общепита, там намного более развита. И здесь по поводу того, что они оттянули деньги, потоки и т. п. говорить не приходится. Может, Иркутск от добра добра не ищет? Дескать, зачем нам туристы, когда у нас алюминий с лесом есть?

ЕГ Китайцы, которые работают русскими в Трехречье, на какого туриста они ориентированы: на русского или китайского?

ВД На китайского. И там создается этнический туризм: вот, посмотрите на русских. Там – русские шанежки, там – русская церковь, правда, не освященная, просто строение.

ЕГ Это государственная структура или инициатива местных жителей для привлечения китайской публики?

ВД Там административная единица называется волостью. Это бывшие русские поселения. Казаков, которые ушли после гражданской войны, давно нет. Потомки тех, кого не успели добить советская власть и китайские коммунисты, живут сейчас в Австралии, Америке и Новой Зеландии. А там остались потомки крестьян, которые мигрировали до революции за землей. Советская власть их била, но не до конца. Коммунисты их били, но тоже не до конца. Они себя называют метисами в генеалогическом смысле. Я так понимаю, под этим есть социальность, потому что китайский для них уже родной, а русский факультативный (поют русские песни).

КГ Это большой государственный проект не только для поддержания русской культуры, но и поддержания музейно-этнографического культурного разнообразия. Есть еще примеры эвенкийских деревень в Китае, которые почти никакого отношения к эвенкам не имеют. Но они описывают образ жизни эвенков. За этим встают серьезные территориальные споры. И не только эвенки, но и русские – это проект поддержания образа культурно-этнографического разнообразия.

ВД Здесь шел разговор о том, чтобы приучать людей к многообразию. Чтобы появление китайских туристов не воспринималось как очередная катастрофа, отношение к многообразию должно формироваться системой образования. Лет десять назад мы получили грант на проведение школы для молодых преподавателей, которые ведут в ВУЗах курсы, связанные с этничностью, с миграционностью и др. Мы ограничились Сибирью и Дальним Востоком. Условия конкурса были замечательные: мы на две недели привозили участников на Байкал, оплачивали дорогу и др. Привозили лучших российских специалистов. С трудом набрали 15 человек. А потому, что эти вещи не преподаются. Вот в ИРНИТУ есть архитекторы, которые должны мыслить категориями не зданий, а людей, которые в этих зданиях живут? Фактически нет. Это белое пятно. Более того, из этих 15 человек треть подобных курсов не вели. Эти люди сделали такие проекты, которые не преподавались, не преподаются, и преподаваться не будут по определению. Фактически получилось, что в системе высшего образования этот важнейший аспект – миграционно-этническая проблематика – белое пятно.

КЛ Трудно себе представить идею более чуждую политике Министерства образования, чем политика разнообразия.

ВД Мы живем в контактной зоне с буддийской культурой. Где в Иркутске – в школах, в вузах – хоть что-нибудь об этом говорится? Когда что-то не прорывается по официально открытым каналам, то люди формируют окольные тропинки так, как им удобно. Шанхайка – это не просто продать-купить, это глобальное место межкультурного, междивизиационного взаимодействия. И дешевые, почти нелегальные китайские рестораники, которые охотно посещают. Если государство не готово идти навстречу подпирающей потребности взаимодействия, люди будут принимать туристов на частной основе, не платя налоги, не отчисляя деньги на экологию.

ОД Я с вами соглашусь. У нас получилось: государство отдельно, общество отдельно, бизнес отдельно. Сегодня существует парадоксальная ситуация – частный предприниматель, который принимает любого туриста, гораздо больше денег вкладывает в развитие территории, чем если бы он был зарегистрирован официально.

ВИТАЛИЙ БАРЫШНИКОВ Про отношения «Восток–Запад» можно говорить бесконечно, но меня, как представителя администрации города, интересуют вопросы прикладного характера: как привлечь туристов, в том числе из Китая, и чем? Как объяснить им правила поведения в городе, в наших храмах, в общественных пространствах? Как их посчитать и ввести в легальный турпоток? Как увязать количество туристов с доходами бюджета?

Мне, например, рассказали, что на одной из карт Иркутска, напечатанных китайцами в Китае для китайских туристов, по адресу Карла Маркса 23–25, вместо филиала Иркутского областного художественного музея указаны два магазина парфюмерии и ювелирки (которые на самом деле арендуют площади у музея), а между ними – бесплатный общественный туалет!!! (хотя на самом деле это выставочный зал музея, где, конечно, туалет есть, но это не главное).

У нас реально отсутствует статистика туристов, посещающих наш город; она размазана по разным структурам и нигде в одном месте не собрана. Следовательно, невозможно ни проанализировать, ни прогнозировать, ни тем более управлять турпотоком.

Согласен с коллегами, что мы не понимаем менталитет гостей из Китая, не говоря о том, чтобы знать их язык, и этому у нас не учат нигде. В итоге у местных жителей формируются очередные мифы о «китайской угрозе» и т.п. А если этому не учат в Иркутске, городе традиционно «пограничном», где сталкивается западная, европейская культура с культурой востока, буддизма, то не учат практически нигде в нашей стране. Это в скором времени может сформировать образ китайца как врага, как непонятного и непрогнозируемого партнера; мы будем избегать контактов с ними, а избежать их невозможно. Это может привести к тому, что мы будем в роли уклоняющейся стороны, «младшего партнера. Тогда возможен конфликт на границе цивилизаций, подобно тому, как недопонимание православной культуры с исламом привело в конце 20-го века к конфликтам на Кавказе и в Средней Азии, в том числе и с военным участием.

Иркутск, как самый интеллектуально, культурно, ресурсно обеспеченный город Сибири и Дальнего Востока России, мог бы взять на себя роль такой образовательной и воспитательной площадки в диалоге Россия – Китай. А туристы были бы тем полем, где могли бы отрабатываться методики взаимодействия.

Мне нравится тот анализ, который провели коллеги сегодня. Надеюсь, этот разговор будет продолжен, в том числе и для более прикладных задач, о которых я сказал.

ЕГ Спасибо всем за участие в актуальном разговоре. До следующей встречи в дискуссионном клубе журнала «Проект Байкал».